

Цена 20 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Литературная газета

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕВ СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. БАГРИЦКОГО, А. БОЛОТНИКОВА,
М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, И. СЕЛЬВИНСКОГО, А. СЕЛИВАНОВСКОГО,
М. СУВОШКОГО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСИЕВИЧ.

№ 6 (497)

Среда, 30 января 1935 года.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВКУСЫ ЧЕХОВА

«Какой вы талантливый! Я не умею писать ничего, кроме беллетристики, вы же вполне владеете и пером журнального человека», — писал Чехов А. М. Горькому 15/II 1900 г. В чеховском наследстве, действительно, нет ни статей, ни заметок критического характера. Но в его письмах разбросано много тонких и блестящих замечаний о литературе, о писательском мастерстве, о русских и западных писателях, и на весах художественной критики эти беглые и скупые замечания весят больше, чем томы однообразных лирико-идеалистических писаний о самом Чехове современной ему критики.

В письме к Суворину (1895 г.) Чехов пишет: «Одолеваю «Семью Поланецких» Сенкевича. Это польская творожная пасха с шафраном. Сенкевич, повидимому, не читал Толстого, незнаком с Ницше, о гипнотизме он толкует как мещанин, но зато каждая страница у него так и пестрит Рубенсами, Боргезе, Корреджио, Боттичелли — и это для того, чтобы щегольнуть перед буржуазным читателем своею образованностью и показать кукиш в кармане материализму. Цель романа — ублажать буржуазию в ее золотых снах. Буржуазия очень любит так называемые «положительные» типы и романы с благополучными концами, т. к. они успокаивают ее на мысли, что можно и капитал наживать и невинность соблюдать, быть зверем и в то же время счастливым». В другом письме к нему же: «Буржуазные писатели не могут быть не фальшивы. Это усовершенствованные бульварные писатели. Бульварные грешат вместе со своей публикой, а буржуазные лицемерят с ней вместе и льстят ее узенькой добродетели» (1894 г.).

Говоря о буржуазном читателе и буржуазном писателе, Антон Павлович выдвигает тем самым принцип классовости в литературе. Понимание писателя как выразителя идей и чаяний определенной группы находим в письме к Щеглову (1898 г.): «Я скорее всего сравнил бы вас с Помяловским постольку, поскольку он и вы — мещанские писатели. Называю вас мещанским не потому, что во всех ваших книгах сквозит чисто мещанская ненависть к адъютантам и журфиксным людям, а потому, что вы, как и Помяловский, тяготеете к идеализации серенькой мещанской среды и ее счастья».

Чехов, которого всегда старались представить принципиальным защитником «чистого» искусства, бесценденности в литературе, резко ставил вопросы идейного содержания литературы и ведущей роли идейно насыщенных произведений. «Писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими, куда-то идут и вас зовут туда же... У них есть какая-то цель... А мы? Мы пишем жизнь такой, как она есть, а дальше — ни тпру, ни ну... Дальше хоть плетью нас стегайте. У нас нет ни ближайших ни отдаленных целей, и в нашей душе хоть шаром покати... Кто ничего не хочет, ни на что

не надеется и ничего не боится, тот не может быть художником».

И не случайно в Горьком он чувствует это новое слово — не в форме, не в стилистических особенностях ранних романтических вещей, а именно в содержании горьковских произведений. «Горький моложе нас с тобой. У него своя жизнь», — пишет Чехов В. И. Немировичу-Данченко. В письме к самому А. М. Горькому о «Мещанах» Чехов пишет, что пьеса «очень хороша, написана по-горьковски, оригинальна, очень интересна. Она нова». И в других письмах Чехов много раз подчеркивает своеобразие и значительность Горького. «Из Горького выйдет большущий писатель».

Только тот, кто знал, что литература — действительное орудие в общественной борьбе, мог написать по поводу смерти Салтыкова-Щедрина: «Тот сволочный дух, который живет в мелком, изможденничавшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага».

Чехов был обаятелен своей искренностью, сдержанностью и скромностью. Простоту и искренность он считал обязательными свойствами художественного произведения. «Мысль» Андреева — это нечто претенциозное, неудобопонятное и повидимому ненужное, но талантливо исполненное. В Андрееве нет простоты, и талант его напоминает пение искусственного соловья».

Золя, выступивший на защиту Дрейфуса против реакционных сил не только Франции, но и всего мира, заставил Чехова понять общественное значение процесса, что привело к окончательному разрыву между Чеховым и суворинским «Новым временем». В письме к О. Л. Книппер А. П. пишет: «Сегодня мне грустно. Умер Золя... Как писатель, я не люблю его, но зато как человека в последние годы, когда шумело дело Дрейфуса, я оценил его высоко».

О В. Гаршине, в сборник памяти которого Чехов дал свой «Припадок», он пишет: «Таких людей, как покойный Гаршин, я люблю всей душой и считаю своим долгом публично расписаться в симпатии к ним».

С особенной силой это убеждение в воздействии на общественную среду личности писателя, его нравственного и общественного авторитета выразилось в одном из писем в словах о Толстом: «Пока он жив, дурные вкусы в литературе, всякое пошлячество, наглость и слезливое, всякие шершавые озлобленные самолюбия будут далеко и глубоко в тени. Только один его нравственный авторитет способен держать на известной высоте так называемые литературные настроения и течения. Без него бы это было беспастушное стадо, или капла, в которой было бы трудно разобраться» (1900 г.).

Здесь Чеховым дана вместе с тем и горькая оценка литературной общественности (80-х и 90-х гг.). О литературе этих лет А. М. Горький блестяще сказал: «Конец 80-х и начало 90-х гг. можно назвать годами оправдания бессилия и утешения обреченных на гибель».

Антон Павлович еще в 1889 г. писал: «Бурже увлекателен для русского читателя, как гроза после засухи, и это понятно. Читатель увидел в романе героев и автора, которые умнее его, и жизнь, которая богаче его жизни; русские же беллетристы глупее читателя, герои их бледны и ничтожны, третируемая ими жизнь скудна и неинтересна».

Из множества мелких и частных замечаний о русских и западных писателях мы остановились лишь на нескольких, которые имеют общее значение. Они убедительно возражают против представления об эстетском характере художественных принципов Чехова, в них — искренняя взволнованность подлинной литературной критики.

М. ЭТТИНГЕР.